

Мужчина — ветер. Женщина — костёр.
Уставший от бездомного скитанья,
Ты беззаветно руки распростёр
Над вспыхнувшим пламенем свиданья.

На миг один сиянье дальних звёзд
Затмил огонь — любовь ему названье.
И снова встал во весь небесный рост
Вершинный свет и холод мирозданья.

Не скажешь ветру: “Эй, остановись!”
Подчинено движение эфиру,
Астральным знакам.
Озаряя высь,
Таинственно горят они над миром.

Благословляю!
Рассекая мрак,
Пусть бьются крылья за твоей спиной.
А я — в твоих скитаниях маяк,
Отечества сияние земное.

* * *

Во дворе, прямо против подъезда,
Тополёк я сжигала любовно
И на небо глядела... Та бездна
Обещала свидание словно.

Словно уст дорогих мне дыханье
Ощущала открытая шея.
Отдыхала душа, отдыхала,
Ни о чём не крушась, не жалея.

Посадила, водой напоила
И дала топольку твоё имя.
И, казалось, прихлынула сила,
То молитвами, видно, твоими.

Посижу незаметно в сторонке,
Подожду... Как стемнеет немножко,
На ночь я тополёчку, ребёнку,
Поцелую, прощаясь, ладошку.

С моря Вечности веяло бризом,
И шептала листва твоё имя.
Эту нашу предвечную близость
Уж никто у меня не отнимет.

* * *

При его приближении сад мой вздохнул,
При его приближении встала луна,
И незримый властитель к стволу притянул
Тень мою, что по саду бродила одна.

Ветра душный порыв налетел! И затих...
Всё теснее, всё ближе, и нечем дышать,
И с рассветом томление соков земных
Стало вишневым цветом на солнце блистать.

Отцвело, облетело, отпело — прошло.
Заметает мой сад ледяною крупой.
Говорят, если только тебе тяжело,
Но неси свою ношу, не плачь и не ной.

При твоём приближении сад мой готов
Встать стеною глухой!
Среди ночи встаёт.
Видно, это душа тяжела от плодов
И отдать — даже горького! — не отдаёт.

* * *

Часто всё порывистое ложно.
Задержи дыханье — о, не тронь! —
Можно пламя сбить неосторожно,
В нетерпенье торопя огонь.

Вот он дышит, огонёчек робкий,
И сверчит, забравшись на сучок,
Словно выбирает к небу тропку.
Затаился... и опять — скачок!

...Торжествуя, разгорелось пламя!
Полыхал под звёздами костёр.
Это было, было это с нами!
Так давно... А помню до сих пор.

Может, в жизни только-то и было —
Словно бы возвышенному гимн:
Обжигало, грело и светило
Несказанным, тайным, дорогим.

* * *

Рассиялось и раззолотилось!
И взметнуло прохладный пожар.
Принимаю как Божию милость
Сентября уходящего дар.

Он стоит, синеглазый, на склоне,
Расставания близится срок.
И горит у меня на ладони
Им ниспосланный жаркий листок.

Узнаю эту ласку прощанья,
Ею буду я в стужу жива.
Золотым шепотком обещаю
Надо мною трепещет листва.

Эти трепеты, лепеты, знаки
Стану бережно в сердце хранить,
Ведь привяжется к жизни не всякий
Паутинкою тоньше, чем нить.

* * *

Возносит в небеса прощальный плач станица
Курлычащих навзрыд родимых журавлей.
Вы мой проплачьте зов тому, мои любимцы,
О ком взгрустнулось мне в отряде светлых дней.

В прозрачном хрустале колышется прохлада,
Блаженство и покой в янтарном том вине.
Я пью его одна, мне никого не надо
На пиршестве златом с тобой наедине.

Спасибо сентябрю за этот миг блаженства,
Которого не знать ни лету, ни весне.
Резной кленовый лист, в лучах забронзовевший,
Горит звездой любви в поющей тишине.

Пусть мне предстоит ненастья стылый ветер,
Забуду ль сентября глубокое тепло?
На огненных ветвях гореть и не сгореть им,
Мгновеньям, от каких вокруг светло, светло!